

9. Взгляд со дна колодца

Меня часто спрашивают...

О чём ваши книги?..

Отвечаю... Да ни о чём!

*Из капустников команды КВН
Новосибирского университета
(1982–1983)*

Над романами Харуки Мураками в нашей стране сломано уже немало копий. Сегодня его книги включены в программы зарубежной литературы гуманитарных вузов, студенты пишут о них дипломы, читатели устраивают в интернете многонедельные дебаты, а книжные обозреватели и рецензенты всё соревнуются, кто кого переплюнет в попытке ответа на терзающий всех вопрос: «Ну и что же он всем этим хотел сказать?»

Сам Мураками не любит, когда его творчество анализируют, «разбирают по винтикам». Как писатель не раз признавался в интервью, сочиняет он «по наитию», никогда не зная, что будет с героями дальше, и никакого «особого смысла» между строк не вкладывает. «Я просто пишу, потому что мне нравится писать, вот и всё».

х х х

«Зайдя в книжный магазин, — признаётся Мураками, — я стараюсь не приближаться к полкам, на которых могут стоять мои книги. Слишком уж неловко там себя чувствую. Но когда всё-таки подхожу туда по делу, помимо

своих романов нередко встречаю и чьи-то книги обо мне. В первую секунду обычно удивляюсь: с чего бы столько народу интересовалось моей персоной? Но потом, конечно, говорю себе, что дело не лично во мне, а в моих героях. И всё-таки — странно...

Сам я никогда не читаю критики на свои книги. В конце концов, у писателей есть право писать, что им хочется, а у критиков — право критиковать, что им хочется. Но если критикам для работы приходится (наверное) читать писателей, то писатели от обязанности читать критиков, слава богу, свободны. И в этом смысле мне, можно сказать, повезло.

С другой стороны, я сам часто задумываюсь: почему я пишу именно так, а не иначе? Кто такая на самом деле Заводная Птица? Что для меня символизируют жаббервоги? Именно потому, что мне самому хочется в этом разобраться, я и пишу. Но очень часто чем дальше я пишу, тем глубже становятся эти тайны. Вот, собственно, что такое мои романы. В них нет ответов на вопросы. Или, скорее, наоборот — сколько читателей, столько ответов там и отыщется...

И когда меня спрашивают, что я имел в виду своими книгами, так и хочется ответить: «Если у вас хватает лишних денег, чтобы купить мои книги, откройте их, завалившись на диван поудобнее, и жуя какую-нибудь еду поостраннее, попробуйте сами в этом разобраться». Очень хочется так ответить, но это уже попахивает нарушением прав потребителя, поэтому лучше уж я промолчу.

Если же говорить о литературной критике в целом — я думаю, не стоит тратить время на эссе и рецензии, которые:

1. Перемалывают книгу в крошку, выискивая микроскопические детали и подробности, чтобы сделать на их основе непоколебимые вселенские выводы.
2. Написаны надменным тоном, в духе: «Вам, простакам, этого не понять, но на самом деле всё так-то и так-то».
3. Постоянно цитируют саму книгу.
4. Чересчур уверенно определяют, что в книге добро, а что — зло, где там чёрное, где белое.
5. Пестрят зубодробительными спецтерминами — такими заумными, что и не поймешь, о чём речь.
6. Наоборот, слишком «просто и доходчиво» объясняют читателю, о чём эта книга.
7. Как бы ни пытались говорить о книге, в итоге повествуют лишь «о себе, любимом».
8. Используют нецензурные выражения.
9. Написаны чересчур эмоционально (неважно, хвала это или хула).

Вот, примерно так. А вообще я просто хотел бы, чтобы люди читали мои книги, понимая, что это — писатель, который живёт с ними в одно время и дышит одним с ними воздухом. Вот и всё...»¹

¹ «Ага! Давайте спросим Мураками». Сборник ответов Х. Мураками на вопросы, полученные от японских читателей по интернету (*Со: да, Мураками-сан ни кийтэ миё; «Асахи-симбунся», Токио, 2000*).

х х х

«Вот и всё»?

Не могу не вспомнить один занятный эпизод из собственной молодости.

Однажды на заре русского интернета я написал небольшой рассказ и повесил его на обсуждение в сеть. Разгорелись дебаты, а когда попытался вставить слово я сам, Фаина Гуревич, наша замечательная переводчица Бротигана и не только, ласково притормозила меня следующей просьбой:

— Помолчите, Митя, люди и без вас разберутся, что это вы такое написали.

Обожаю Фаину Гуревич.

10. От общего к личному. «Охота на овец»

1995 год, г. Принстон, Нью-Джерси. Харуки Мураками читает лекцию в аудитории университета. В зале яблоку негде упасть: послушать «самого неяпонского японца» съезжаются студенты — филологи и не только — из других вузов и даже из других штатов. По-английски писатель говорит чуть медленнее, чем носители языка. Но, как и на родном японском, очень тщательно подбирает каждое слово, точно нанизывает бусы на нитку, отчего в целом речь выходит плотной и содержательной.

Подходит время для вопросов. Кого-то интересует, как Мураками строит работу над сюжетом. Кто-то спрашивает о тенденциях в сегодняшней японской литературе. Третьей поднимает руку молодая экзальтированная девица с цепким взглядом и отточенными жестами.

— Мистер Мураками! А ведь правда?.. — увесистая пауза. — Ведь это правда, что ваша Овца — не что иное, как символ первородного феминистического начала в контексте патриархального уклада современного социума? — с победным видом отчеканивает девица и умолкает в ожидании немедленного подтверждения своих слов.

Полутысячная аудитория застывает, как стая тунцов в морозильнике океанского траулера. На дворе — политкорректная Америка 90-х. А в первых рядах перед писателем дюжина диктофонов фиксирует каждое слово.

Мураками задумывается на какие-то пять секунд. И поднимает на вопрошавшую безмятежные глаза:

— Да нет... — отвечает он с мягкой улыбкой. — Овца — это просто Овца.

х х х

Буквальный перевод названия романа «Охота на овец» — «Приключения вокруг овцы». Но в русском языке за словом «приключение» уже традиционно закрепился сказочно-детский оттенок. К тому же выговорить «вокруг овцы» — язык спотыкается. В оригинальном названии даже иероглифы выражают опасность — куда более серьёзную, чем в слове «приключение». Может, «авантюра»? «Авантюра вокруг овцы» пахнет адюльте-

ром... Американцы назвали роман «*A Wild Sheep Chase*», но тут у меня претензия к неопределённому артиклю: без него лучше, многозначнее, ибо на японском непонятно, одна овца или их много. Я остановился на множественном числе, пусть читатель сам решит, кто волки и кто за кем гоняется...

х х х

В 1979 году Фрэнсис Форд Coppola получил в Каннах «Пальмовую ветвь» за «*Apocalypse Now*». И хотя критика упрекала фильм за «нехватку историчности» и «безыдейность», «Апокалипсис» до сих потрясает зрителей всего мира.

В 1981 году Мураками начинает собирать материал для «Овец» и в октябре уезжает для этого на Хоккайдо. В этот же период, с июля 81-го по сентябрь 82-го, в культурологическом альманахе «Уми» выходит серия его статей «Америка современников» (*До:дзидай-но Амэрика*), уже по одним заголовкам которых можно представить, на каких «китах» писатель строит работу над своим первым крупным романом. Всего этих статей было шесть:

1. Страхи изможденного человека — Стивен Кинг.
2. Гиперболизация реальности — Произведения о Вьетнамской войне.
3. Анархизм как метод — «Апокалипсис» Фрэнсиса Копполы.
4. Эта антисовременная современность — проза Джона Ирвинга.

5. Рождение и развитие урбанистической прозы — Чандлер и после.
6. Жертва, обречённая изначально — Джим Моррисон, «*The Doors*».

Сам писатель признаёт (в третьей и пятой статьях), что больше всего на сюжет «Охоты на овец» повлияли «Апокалипсис» Копполы и «Долгое прощание» Чандлера. На эпизодическом же уровне дотошная японская критика склонна видеть заимствования из того же Ирвинга: например, кому-то облик Человека-Овцы напоминает «медвежий» камуфляж Сузи в «Отеле Нью-Гемпшир»¹.

«Я согласен с критиками Копполы, — пишет Мураками. — Да, этот фильм безыдеен и неисторичен. И тем не менее, это великое произведение — прежде всего потому, что это очень «приватный» фильм (*private film*), не имеющий особого отношения к Вьетнамской войне как таковой»².

В той же статье он не раз упоминает, что благодаря великолепной режиссуре Копполе удалось снять высококачественную драму в «узком, ограниченном пространстве», из-за чего фильм воспринимается очень «приватно», без каких-либо прямых исторических аналогий.

¹ Комментарии Норихиро Катô в книге «Харуки Мураками: Жёлтые страницы 1» (*Мураками Харуки йэро: нэ:дзи 1, изд-во Арэти, Токио, 1996*).

² Харуки Мураками, «Анархизм как метод — “Апокалипсис” Фрэнсиса Копполы», критическая статья в альманахе «Уми» (*Хо:хо:рон то-ситэ-но ана:кидзуму, Фурансису Коппора то «Дзигоку-но мокуси-року», Уми, Токио, 1981*).